

Васильева (урожденная Рузова) Татьяна Сергеевна
Записала Моргачева Т.В.

Кассета 1

— Расскажите пожалуйста про ту шкатулку, которую вы передали в музей раньше

— Папа эту шкатулку делал, когда вот в шарашке был, здесь.

— В Крестах?

— Да, но, я не знаю, в Крестах ли он был... Я ходила передачи приносить к Большому дому. А где шарашка эта находилась, я не знала никогда. Передачи мы сдавали в Большом Доме. Папа там сделал шкатулку и передал своей жене, это моей мачехе. У меня мамочка умерла в 28-м году и он 11 лет не женился, пока мы не стали уже взрослыми с братом. И вот в 39-м году, в конце 39-го, он женился. Очень хорошая женщина была. Вот она приходила к нему в тюрьму, когда он был арестован, а потом тоже уехала в эвакуацию. Я уехала в конце мая. А она уехала немного позже. Она в жутком тоже состоянии была. Она от нас в последнее время ушла, жила на улице Чайковского у своих сестер. У нее было две сестры. Когда я пришла к ним, она показала, что одна сестра мертвая лежала на кровати, а другая умирала.

— Они умерли, да?

— Да. Вот она пока они не умерли, она ухаживала за ними. Сама тоже почти умирала, была в очень тяжелом состоянии.

— А как папа эту шкатулку делал? Где он эти цветы брал?

— Он сделал коллекцию, засушил, когда у него была такая возможность. Гербарий в общем. Это только было когда можно было передать. А потом ничего нельзя было уже передавать, потом его в тюрьму и дальше выслали, он... Североканск...

— Североенисейск.

— Североенисейск. Но я не очень знаю, о том как эта шкатулка передавалась. Знаю только, что папа каким-то образом передал ее Варваре Петровне. А подробностей не знаю, ведь с ней я увиделась уже только в 56-м году. И как-то мы это не обсуждали. Вот здесь я подобрала домашние фотографии. Давайте, их посмотрим.

— Давайте.

— Вот это моя мамочка и ее две сестры. Это она. Они в Смольном институте учились, закончили Смольный институт...

— Мама тоже закончила, да?

— Мама закончила, только вот эта, самая младшая сестра, не закончила, просто не успела, и ее перевели с другими куда-то в женскую гимназию на Литейном. А эти две закончили Смольный институт. Там была 12-бальная система. И у мамочки были по всем предметам 12 баллов, и 11 баллов по пению. А вот эта сестра очень хорошо пела, а у мамы не хватало чего-то по пению.

— Это тоже мама, да?

— Да. Вот, вот ее фотокарточка.

— А это что?

— Это я в Артеке была.

— Вы ездили в Артек, да?

— Да.

— Такое было место, трудно было попасть туда.

— Ну, видите, там всякие были. Был такой Ванька Мятлов. Он с Украины, наверно, был. Он спас самолет от крушения. И еще было много интересных ребят.

— А вы туда за какие заслуги попали?

— Ничего героического я не совершила. А просто была очень активной. То есть за общую хорошенькость меня туда послали.

— А это кто, это брат ваш?

— Брат мой это.

— Это одноклассники?

— Одноклассники, школьники, да. Нина Павлова... Она, между прочим, очень долгое время была экскурсоводом в Эрмитаже и кончила наверно работать года 4 тому назад только. Она очень долго работала. Ей 83

— Татьяна Сергеевна, а брат вас старше?

— Он старше на год и 4 месяца. Он умер два года тому назад. Вот он, этот мальчик. А это я. Это мы с гувернанткой. У нас была Эмилия Яковлевна, такая.

— А это уже...

— Нет, еще мамочка жива была.

— У вас была гувернантка?

— Да, да, да, у нас всегда были гувернантки. Мамочка ведь очень болела. Ей тяжело было управляться и с нами и по дому.

— Вы в отдельной квартире жили?

— В отдельной, на улице Чехова, дом 5, у нас была большая квартира. Все время гувернантки и домработницы были. Потом когда мне стало лет 14 наверное, гувернанток уже не было, остались одни домработницы.

— А чем гувернантки с вами занимались?

— Ну, вот немецкий я знала с 4-летнего возраста очень хорошо. Правда, читать не могла еще тогда и писать, но говорила свободно.

— Они с вами занимались?

— Занимались, да, и следили за нами.

— Гувернантки были только ваши или брата тоже?

— Нет, вдвоем с братом.

— А мама не работала?

— Нет, мама никогда не работала. Вот сколько я ее помню, мама болела. У нее туберкулез был. Она умерла, когда ей был 31 год, молодая. Мне было 7 лет.

— Вам 7, брату 8, да?

— Да. Вот это мы примерно в этом возрасте.

— А у вас что было по пению? У мамы было 11, а у вас что по пению было?

— Пела я ужасно, очень плохо, очень. Это конечно я не умею и жалею, так втайне, что я не могу петь. Вот внук у меня старший...

— Но вас ведь учили, да?

— Пению? Нет. Игре на рояле учили.

— Тоже гувернантка?

— Нет, нет. Учительница.

— Учительница приходила к вам или вы сами к ней ходили?

— Когда как, потому что я вообще-то в музыке не очень, потому что она часто мне говорила “смотришь в книгу, видишь фигу”. То есть я быстренько научусь с ошибкой и буду повторять, смотреть на ноты, а буду эту ошибку делать. Музыкального таланта у меня не было.

— Татьяна Сергеевна, в вашем детстве у многих были домработницы, гувернантки? Это было нормальное, обычное явление?

— Нет, конечно. Хотя явление скорее было все же нормальное. Все-таки отец лучше был устроен, чем многие отцы моих друзей, больше работал, больше получал, поэтому он имел возможность... Нет, вот детских садов я совсем не помню, по-моему тогда их и не было. Не помню, чтоб кто-то из моих знакомых ходил в детский сад. Ведь отца не один раз сажали.

— А первый арест когда у него был? В 39-м?

— Нет, нет-нет-нет, раньше. Я помню, чего-то ночью проснулась, домработница сидела плакала, оказывается, был у нас обыск, его взяли. А потом его через месяц отпустили.

— Это было при маме еще?

— Нет-нет! Мамочка в 28-м году умерла, а это было наверно... я думаю, что это было все-таки первый раз в 37-м году.

— А когда папу увели, вы остались с домработницей?

— Нет, тогда уже не было домработницы, когда вот последний раз его забрали. Это ведь уже блокада была. Какие же могли быть домработницы?

— Нет, первый, первый арест...

— А тогда, сначала с домработницей, а потом бабушка, мать отца, переехала к нам.

— А домработница жила у вас тоже, да?

— Да, да, жила у нас.

— Большая квартира была?

— Большая квартира была, квартира большая.

— А у вас с братом были отдельные комнаты?

— Отдельные. Ну сначала вместе, потом отдельные. Отдельные. У нас всегда народу полно было ребят как-то.

— Ребята приходили в гости?

— Да, без конца.

— Вы были общительны?

— Да, да, да, да. И к нему без конца товарищи ходили. Вот даже вот этот [показывает фотографию] написал мне посвятил стихотворение первое... где же оно... Вот этот. Он написал так:

Танька Рузова нахалка
 Что могу еще сказать
 Худощава словно палка
 Ростом со свою кровать
 С ней в игре шутить опасно,
 Хоть и знает плохо бокс
 Но лягает очень классно
 И кусается как мопс

Это было, я его укусила за палец, они с братом чего-то на меня разозлились и решили меня в шкаф посадить и уйти гулять.

— Воспитывали.

— Я уперлась ногами в стенку шкафа, и они никак не могли меня затолкать, и укусила этого за палец. Он сказал: ой, он сначала охнул, а потом сказал: Только лизнула! А написал “и кусается как мопс”. Вот этот мальчишка, Вовка Баскаков...

— А вы просто дружили вместе, компанией?

— Да-да-да.

— Одинаковые... общие друзья были с братом, да?

— Некоторые да, некоторые у них вот компания у них... класс... у них класс дружный был. И у нас. Вот это их...

— А вы в одной школе учились?

— В одной, да.

— В которой?

— Басков переулок, дом 14. Басков переулок, он выходил, этот дом не выходил, следующий дом выходил на Маяковского, это второй дом от угла. Кто-то сказал мне из наших девчонок, что там учился Путин. Я говорю, ну конечно, поэтому мы такие все умные получились, что мы дали закваску... Это... [Продолжает показывать фотографии] Это шапокляк, такая шляпа, знаете?

— Да. А это Вовка Баскаков, он стал зам министра кинофикации. Вот он умер года три тому назад. Наши ребята все уже умерли, и институтские тоже... Он длинный был такой. Мы вместе с ним ходили из школы, он жил тоже на Чехова. Он трусливый был. Вот

как-то какая-то компания была, он говорит, давай обойдем. Я говорю, нет, прямо пойдем. Он дрожа шел прямо.

— А вы чем-нибудь увлекались, когда учились в школе?

— Увлекались, драмкружком мы так увлекались! Когда мы были в 9-м классе, назначили... Наверно с шестого класса увлекались драмкружком. И у нас был режиссер из ТЮЗа, очень хороший, он ко мне очень хорошо относился.

— А что вы ставили?

— Ой, много чего ставили. Но потом, когда были в 9-м, какой-то к нам пришел директор театра детского творчества, где-то на канале Грибоедова был такой театр. И пригласил нас в этот театр. Мы были очень довольны.

— Пригласил в смысле на спектакль или играть?

— Нет, играть, играть. Ну не то что играть, и учиться там же пока... Вот мы ставили “Огни маяка”. Очень долго он с нами первое действие репетировал, очень долго. А в это время в школе был какой-то вечер, и нас попросили выступить. Мы за неделю прорепетировали еще два действия и выступили. А он узнал. Вызвал нас, стал кричать, что вы под маркой нашего театра хотите халтурить! И в общем нас всех выгнал. И Вовка Баскаков ревел, когда выгнали нас из этого театра.

— Там учили театральному мастерству?

— Да, актерскому мастерству. Вот мы тогда на “Огнях маяка” погорели. А то еще мы ставили “Очная ставка”. А потом мы даже называли ее...

— Это про что?

— “Вечная ставка”. Там и был и... потому что мы очень долго ее играли по всяким... нас приглашали в разные предприятия.

— Это уже со школьным кружком?

— Да-да-да, но без руководителя. Вот Вовка Баскаков был режиссер, а я помрежем была.

— Вы говорили, у вас был режиссер из ТЮЗа, он ушел?

— Да, да, он обратно уехал, он в театре был. Когда вот был один год он у нас, то тогда это все и закрутилось. А потом он уехал.

— А пьеса “Очная ставка” это про что?

— Не помню. Ну ставили мы ее очень много, потому что потом так и называли “Вечная ставка”, потому что без конца мы ее ставили. Она хорошо пользовалась успехом. Там чего-то было конечно, там что-то и летчики были, и какой-то наверно был вредитель, я уж не помню. Я уж не помню точно.

— А постоянные разоблачения вредителей – это мимо вас прошло или в школе было?

— У нас в школе никого не клеймили. У нас у многих родители сидели. И поэтому у нас было дружно и это никогда не поднимался этот вопрос.

— Этот вопрос не обсуждался?

— Нет, нет, нет. Единственное один раз это... сейчас... это вот наверно в 37-м году было, когда отца взяли... значит брата исключили из числа... из комсомола. Исключили.

— А вы тогда еще не были в комсомоле?

— Нет, я пионеркой была, я так и не стала комсомолкой. Я была очень активной пионеркой, но после того как брата изгнали, я решила не вступать в комсомол.

— А как это было? Это изгнание.

— Наверно на собрании. Ну, в общем, это был виноват такой Летицкий, председатель комсомольской организации нашей школы. По-моему у меня даже где-то его фотография есть... Исключили брата. Ну, а отца через месяцев 7 вернули, в школе об этом узнали, и Летицкий пришел к нам в гости проверить, правда ли это. И Вовку приглашал обратно в комсомол. Вовка сказал, нет, больше не буду поступать.

— А когда были выступления по радио, в газетах, были какие-нибудь мысли, что это может быть правдой?

— Нет. Ну я отца знала, я знала, что...

— А до папиного ареста? Многие начинали понимать, когда собственных родителей арестовывали, что все наверно не правда. А до этого...

— Так ведь это сразу в 37-м году сразу на всех и навалилось... Потом вот его взяли в 42-м в марте месяце, в конце марта.

— Это при вас было?

— Это при мне было, даже мы собирали, собирала ему хлеб, который у нас там был, как раз в начале марта нам немножко прибавили, до этого давали 125 грамм, а тут прибавили.

— Это служащие были карточки?

— Да, студентские, служащие карточки. Вот. И потом про папу я ничего не знала потом. Варвара Петровна, папина вторая жена, она в другом месте была, а нас институт в Горький перевел, с Горьковским институтом инженеров водного транспорта соединил вместе. И вот Варвара Петровна мне написала его адрес, уже Североенисейск. И я туда каждый месяц, я работала техником изыскательской партии на Волге, составляли планы перекатов, и зарплату я ему всю каждый месяц переводила до копеечки, потому что нам давали кило 200, значит давали 800 грамм карточку, плюс 400 грамм полевые, получалось кило 200, это было очень много. Я часть продавала, а часть меняла на жиры. И так жила, а зарплату я всю отцу переводила, не знаю даже, получал он или нет, чего-то не спрашивала.

— Вы помните, какие праздники дома отмечали в вашем детстве?

— Знаете, всегда мои именины отмечали 25 января, это был праздник. А так...

— Это был более широкий праздник, чем просто именины?

— Да, да-да. Это был студенческий день. А мы то сами студентами были, то папа у нас преподавал, а потом уже и я преподавала, можно сказать. Так что все время мы оказывались связаны с какой-то студенческой жизнью. Даже сейчас все время продолжается, хочу я, не хочу, приглашала, не приглашала, все равно гости приходят. Поэтому я знаю и готовлюсь.

— А Новый год как?

— Новый год обязательно праздновали.

— Или Рождество?

— Рождество не праздновали. А праздновали Новый год.

— А Новый год всегда с елкой или только когда разрешили?

— Ну что значит разрешили...

— Но елки запрещены были одно время.

— А, да. Но дело в том, что вот у меня дядя был, старшей тетушки муж, он был командующим Балтфлота. И когда мамочка...

— А старшей тетушки это маминой сестры, да?

— Маминой сестры. Дядя Саша, Александр Ильич такой был. И он жил с семьей в Кронштадте. Когда мамочка умерла, меня тетушка к себе взяла последние полмесяца там я жила, даже без меня ее похоронили. Отец не захотел, чтобы мы были на похоронах с братом, сказал, пусть они помнят мать живую. И мы, между прочим, всегда были ему за это благодарны. Действительно, я вспоминаю, как она бегала с нами наперегонки, как в пятнашки играли. В общем детские такие у меня радостные воспоминания о маме остались.

— Много мама с вами занималась?

— Да немного, она очень много болела. Когда маленькая была, я не помню, как она занималась. Я вот помню правда один раз... почему-то все из летнего периода запомнилось... что я так сильно заплакала, а в соседней комнате папа с мамой и была компания у них, они во что-то играли. Молодые еще были. И мамочка вошла в комнату, взяла меня на руки и вынесла вот в ту комнату, где они играли. Вот этот момент у меня запомнился. И запомнилось еще когда здесь мы жили... отец был в Военно-морском

училище преподавал, и тогда уже был, по-моему, заведующий учебной части, и вот здесь дача эта была в Петергофе...

— Это была служебная дача?

— Это была служебная дача, большая. И я когда была в Петергофе, искала ее, но ее нет. А на ее месте как раз выстроено здание, где продают билеты на речные теплоходы. Вот как раз на том месте.

— Вы каждый год жили в Петергофе?

— Нет. Мы каждый год в разных местах жили.

— А что это были...

— Отец снимал нам дачу и мы с домработницей, с гувернанткой жили на даче.

— А у него специальное было какое-то такое решение, что каждый год надо в другом месте...

— Нет, нет.

— ...или это так получалось?

— Нет, это просто так получалось. Вот он как-то помню, за книгу получил много денег и говорит: ребята, давайте купим дачу. Мы с Вовкой сразу — нет, что же это мы будем в одном месте жить? Ни за что.

— Папино участие в вашем воспитании в чем выражалось? Как он занимался с вами, сколько времени уделял?

— Ну он не так уж много времени уделял. Но вот когда я болела если он рядом не сидел, мне было хуже. Когда он рядом со мной сидел не только днем, но и ночью, мне казалось, что мне легче.

— А вы часто болели?

— Часто. Я считалась слабенькой. Во время войны, правда, оказалось, что не такая уж и слабенькая. И кровь сдавала. Донором была. Не на что было жить.

— Но папа следил за вами... он руководил вашим чтением?

— Да. Он например домой почти никогда без книг не приходил. Он всегда нам покупал, вот была “Золотая библиотека”, издание такое хорошее, Жюль Верн, Майн Рид, все эти вот эти книжки. У нас очень хорошая библиотека была.

— И вы читали много?

— Очень много, да. Очень много. Вот у меня старший внук, я с ним занималась, наверно он с пятилетнего возраста стал читать. В школе он Жюль Верна почти всего прочитал. А младший, он наверно до 9-го класса даже Мойдодыра не читал. Потом...

— Отказывался?

— Не хотел читать, ничего не хотел. А потом вдруг — и... Сейчас он студент 3-го курса и получает повышенную стипендию. Мы беспокоимся, как ты, а он — да что вы беспокоитесь, все я сдам!

— Друзья, да?

— Да, это друзья студенческие. Погибли все.

— Какие у всех лица хорошие...

— Это Толька Киреев?? наш предводитель, [НРЗБР] кончил. А это он [НРЗБР]

— А вы на каком факультете были? Вы же не на судоводительском?

— Нет, гидротехническом. Он назывался факультет водных путей и портов. Вот с этим я дружили, Вовка [НРЗБР], такой хороший был парень. Очень хорошо ко всем и девочкам относился. Всегда шел навстречу, всегда говорил: [НРЗБР] по мелочам, что же жалко что ли. Всегда навстречу. Очень хороший был. Потом вдруг исчез. Исчез в блокаду, я даже не знаю, что с ним случилось.

— То есть он просто перестал приходить или что это?

— Получилось так, что он у меня часто бывал, с отцом играл в шашки, в шахматы. Потом помню... а жил он недалеко от меня... Потом ушел, а потом вернулся, говорит, стал ворота открывать, вода хлынула, оказывается там прорвало трубы. Мы говорим, так оставайся у нас. Он жил наверно неделю у нас. А потом... вообще жил он на Жуковской,

мы на Чехова, а он рядом на Жуковской. И... он потом ушел, говорит, ну а теперь ты ко мне приходи. А я как раз неважно себя чувствовала чего-то, наверно неделю лежала. Потом пошла, а оказывается, его дом сгорел. Тогда многие дома горели, потому что воды не было тушить. Так они несколько дней горели, выгорали все. Я спросила, где начался пожар? Начался пожар, говорят, приблизительно напротив его квартиры, он жил на самом верху. Не знаем. Никто не знал, какие были жертвы, где, чего. Так он... хороший парень.

— А вы школу хорошо закончили?

— Ничего. Ничего. Не скажу чтоб очень хорошо, но ничего.

— А школа была... вообще большое место в вашей жизни занимала? Или больше друзья?

— Ну дело в том, что вот этот драмкружок тогда школа как-то сроднилась. Потому что мы после занятий шли в драмкружок возвращались, а потом ехали куда-то выступать. А у нас класс был очень дружный.

— Большой был класс?

— Большой, 43 человека. Тогда все большие классы были...

(звонок)

— ...серые замшевые, а здесь лакированные они были. Ну я из своих очень быстро выросла, а Вовка из своих, я носила его ботинки.

— А они же были девичьи...

— Нет, они одинаковые были. Без каблучков, очень легенькие. Лакированные, светло-серые они были. Я помню, когда Вовке что-нибудь покупали, костюм или что...

— А кто покупал?

— Отец покупал. Он всегда вызывал меня и говорил: Если тебе не понравится, держи при себе свое мнение! Потому что стоит мне хмыкнуть и сказать: Ой, Вовка, ты похож там или еще что-нибудь, он же не оденет, говорит, ни за что.

— А вы с папой вместе ходили в магазины, за одеждой...

— Нет, нет. Он очень хорошо покупал, глазомер у него был хороший.

— [НРЗБР]

— Да. А платье было у меня вязаное, розовое, светло-серые и беленькие полосочки, здесь шарф такой был из этого же материала, очень хорошее платье было. И у меня была брошка мамина. Потому что такой у мамы был ящик, внутри там замшей отделано, там все ее драгоценности лежали. Когда мамочка умерла, мне было семь лет, отец отдал этот ящик сразу мне. Очень быстро у меня и разворовали, и я растеряла, в общем так. У меня единственное что осталось, два кольца золотых, они очень были хорошие. Изумруды там были и [НРЗБР]

вроде такой цветок сделан был с листьями. Я единственно два кольца взяла с собой в эвакуацию, это все что я взяла. На одно я купила, поменяла, пуд, не помню, или полпуда муки. А второе утащили мальчишки из ФЗО. Утащили, не зная, что это драгоценность. Просто блестело, они забрались к нам в квартиру. Утащили Вовкину зажигалку ломаную, его рубашку, висела сохла, воротник свалился, без воротника значит, и вот это кольцо. И мы, а соседний дом был у нас общежитие этих фэззошников. Я с милиционером к ним пришла, потому что мне сказала наша рассылная на заводе, в Павлодаре, сказала, что видела, стоял фэззошник смотрел на наше окно. И когда мы посмотрели, что замок сломан, пошли значит к ним. Там вошли в комнату, там много ребят. Один из них сидел за столом и ел, щи какие-то, а ребята так кто чем занимался. Ну милиционер начал смотреть, и опрашивать их и так далее. Взял ложкой щи хлебнул... Ну в общем ничего не нашли. А через год один мальчишка, который жил в этой комнате, мне сказал: Татьяна Сергеевна, ведь ваше кольцо ребята швырнули в щи, в тарелку, когда вошел милиционер. То есть он когда черпнул, он мог и захватить это кольцо, но мимо.

— Так и не нашли?

— Нет.

— Вы с братом всегда дружно жили?

— Дружно. Мы правда дрались очень много.

— Но это было не всерьез?

— Нет, нет. Он например приходил ко мне в комнату и говорил: скучно чего-то. Я говорю, убирайся вон. Давай-ка подеремся. Ну и начиналось так просто там что-нибудь, а потом... Вот отец говорил: Единственные брат с сестрой, а живете как кошка с собакой! Но все-таки я в блокаду его вытянула, брата. Его переворачивали уже. Он сам не мог шевелиться.

— Вы когда поступили в институт?

— Я поступила в 39-м году в институт. Потом я болела и экзамены не сдавала. И второй раз была уже на первом курсе 40-41-й год. Как раз была на практике после первого курса, когда война началась.

— А что за практика?

— У нас гидрографическая практика в Толмачеве была, у нас там было несколько домов таких барачного типа. И там была практика у нас. И там вот мы узнали, что война началась. А потом мы приехали, вернулись сюда, уже окна у всех были заклеены у всех...

— То есть вы там узнали о том, что война началась?

— Там, да, что началось. Это был значит июль месяц, да?

— А папа в это время где работал?

— Папа работал в институте Герцена и в институте Покровского, в двух институтах читал.

— А перед войной вы продолжали все вместе жить?

— Да. А как же...

— И папа женился когда, и она приехала просто к вам жить? Варвара Петровна...

— Варвара Петровна, да. Она славная женщина была.

— У вас хорошие с ней установились отношения?

— Очень хорошие. Она очень спокойная была. И когда мы вернулись уже, и она вернулась, когда папе дали вот эту квартиру, тогда...

— А папе именно эту квартиру дали, в которой мы находимся?

— Да. Он приехал после реабилитации, товарищ такой у него был, доктор наук Яновский, Орест Михайлович.

— Я смотрела, у нас там есть копия характеристики, которую он писал для папы в 55-м году.

— Ющенко у него еще один товарищ был, и с Ющенко он больше дружил, чем с Яновским, но и с Яновским они дружили. Так вот Ющенко жена не разрешила папу даже временно у себя прописать. Ведь когда он только что вернулся после реабилитации, ему не сразу квартиру дали. Жена у Ющенко была неприятная такая, мы ее звали Евгешка, Евгения Ивановна.

— В каком году папа вернулся?

— Это пятьдесят... это наверно 55-й...

— Он не стал в ссылке оставаться ни минуты, сразу вернулся?

— Нет, он там какое-то время задержался, потому что его паралич разбил. Он лежал в больнице, у него правую сторону разбил паралич.

— А из-за чего это было, insult?

— А было из-за того, что когда он получал паспорт, то паспортистка написала, что выдан он на основании справки об освобождении. Это дают заключенным, когда выходят. Папа ей говорит, я, говорит, не заключенный, вы не имеете права писать, что на основании справки об освобождении, пишите что хотите, а это не имеете права. Разволновался и его хватил удар. Он лежал в больнице. Потом он приехал ко мне, в Новосибирске я была, уже когда поправился, но у него еще не работали пальцы на правой руке. Он стал писать левой рукой, учиться писать... И сюда приехал, вот он прописался у Яновского, потом ему предложили: или старую квартиру, или в вот новом доме здесь...

— Старую квартиру тоже могли дать?

— Да. Но очень хорошо, что он отказался. Он отказался из-за всяких конечно воспоминаний. А...

— А там ничего не осталось уже?

— Нет, там все разворовали. Мы же приехали сюда в совершенно пустую квартиру, у нас ничего не было. Все заново. Из старой мебели – только трюмо, так и оно не наше было, это тетюшки отдали мне свое трюмо, а так все заново пришлось покупать.

— Давайте вернемся к началу войны. Брат ваш учился уже, к тому моменту как вы поступили?

— Да.

— Он там же учился?

— Да. Только он на механическом факультете учился.

— А вы обязательно хотели что-то связанное с гидрографией?

— Да ничего не хотела, потому что мне было совершенно безразлично. Одно время я хотела стать артисткой, потом сообразила, что хорошей артистки из меня не получится. А плохой, обыкновенной такой, на статиста, я не хочу. Поэтому мне было безразлично. Вот...

— У вас было больше пристрастие к точным или к естественным наукам? Гуманитарные вы не рассматривали?

— Нет, ничего не рассматривала. А вообще-то гуманитарные у меня были пристрастия, но я не рассматривала такой возможности поступления. Отец предложил... какое-то есть такое совпадение, потому что отец работал всякие изыскания, нивелировкой занимался, и такое... И мне суждено было этим заниматься. Когда дочка моя кончала школу, спросила: мама, что ты мне посоветуешь? Мне очень нравилось созвучие: океанография и метеорология. Я говорю, иди, вот такой институт. Она говорит, что ты, какими я глазами буду смотреть на своих знакомых, потому что все синоптики все время погоду путают. (смех). А я тогда была начальником учебного комбината в Балтийском пароходстве. У нас были занятия с судоводителями, судомеханиками, и была метеорология с океанографией, такая дисциплина, и был один преподаватель, он был метеорологом. Я ему сказала, что я вот хочу, чтоб дочка... Он говорит: «Что вы, Татьяна Сергеевна, ни в коем случае. Я бы свою дочку скорее с сумой послал бы, чем в этот институт». Я говорю: «А почему?» «Да их распределяют в разные точки, самые значит такие глухомани, по два человека. А если второй окажется каким-нибудь значит нехорошим человеком? Так что же ей мучиться с этим нехорошим, а никуда не уедешь».

— То есть их на станции, да, метеорологические?

— Да, да, и там маленькие такие места, откуда они должны погоду передавать уже. Вот. А я говорю, ну тогда я кроме института никакого другого не знаю, потому что я работала в учебной части, я тогда уже была в пароходстве, старшим инженером по подготовке кадров Северо-Западного пароходства работала много лет. Я говорю, ну а с ними, с ЛИВТом я была связана еще по подготовке, потому что они своих судоводителей, судомехаников к нам практику на суда посылали. Я должна была распределить их.

— В общем вы пошли в ЛИВТ по папиному совету?

— По папиному совету, да. А Лена, моя дочь, – по моему. Только я хотела, чтоб она на экономический факультет пошла, потому что она была такая чистоплюйка. Она приходит и говорит: «Мама, а там есть оказывается гидротехнический факультет, я на него подала». Я говорю: «Ты подумай, в экспедиции будешь ездить, ведь там же и черви ползают». «Нет, нет, мне нравится». Ну, нравится так нравится. Так что она практику проходила в Толмачеве в том же самом, где и я. И даже руководитель такой Щевелев был, который у меня был, и тогда он был молодым, с женой он там жил, и она в положении была. Мы говорили, у Щевелева со Щевелихой щевелится Щевеленок. И теперь он у нее стал руководителем практики. Я ездила день рождения отмечать Ленин туда, это после 1-го курса. Ну, они такие же были, как мы. Потому что вот я сижу, на лодках проезжают, значит, там их по бригадам распределяют. Проходит часа полтора, едут обратно. Я

говорю: «Что случилось?» «А мы забыли инструменты». И он, помню, собрал там какое-то собрание, говорит, вот, вы бригада, вот вы забываете то се, вот, Ленина мама сидит, спросите, какие они были! Я-то знаю, что мы такие же были, а он-то начинает там им...

— Татьяна Сергеевна, когда война началась, папа где работал? В двух институтах?

— Да, в двух институтах, Герценовском и Покровского.

— Они не эвакуировались? Почему он остался в городе?

— Он не мог эвакуироваться с ними, потому что... Сначала-то не эвакуировались ведь, сначала далеко не все эвакуировались. Наш институт тоже не эвакуировался. Только уже в 42-м, летом, нет, не летом...

— В мае?

— В мае это было последняя партия, я с последней партией уезжала. А Вовка, Вовку я отправила до этого, была партия до этого.

— Все в одно место уезжали?

— В основном в Кисловодск и Пятигорск. В этих двух местах были почти все наши ленинградские институты. Там подкармливали наших, блокадников. Но дело в том, что оттуда нас направили на практику, я уезжала со второй партией. Отправили меня на Волгу, в Рыбинское водохранилище туда. А третья партия не успела выехать на практику — неожиданно немцы пришли и захватили Пятигорск. И они не попали с нами. Один наш преподаватель, завкафедрой, он был немец, его выбрали мэром города. И наши студенты как-то к нему пришли, что-то они просили, кажется, выпустить из города. Но выпустить их не выпустили из города. Я так не знаю, чем у них там кончилось, эта партия была небольшая. Их было человек 16 наверное, которые остались.

— Это последняя?

— Последняя, да. Я знаю, что кто-то из них, говорили, отправился самостоятельно к месту практики, но исчез. То есть попались наверно.

— А потом они доучивались вместе с вами?

— Не помню. Не помню, не помню.

— Значит, папа не эвакуировался, потому что не мог, он продолжал преподавать?

— Продолжал до последнего преподавать.

— А занятия происходили?

— Да. Мало происходили, но происходили, потому что у нас к нам приходила одна дивчина, которой надо было зачет уже после того как отца уже забрали. И она приходила к нам, все хотела ему сдать зачет. А я ей просто не говорила, что его взяли. Она жила напротив нас, дом 4. То есть занятия были. Но занятия были вот...

— В институте Покровского он преподавал? А что он преподавал?

— Геодезию, по-моему.

— На географическом факультете?

— Не знаю.

— Институт Покровского это же педагогический.

— Да. И Герцена тоже педагогический. Ну и есть разные факультеты.

— А брат тоже учился? А вы ходили на занятия, у вас занятия продолжались?

— Ничего не ходили, потому что сначала нас отправили на лесозавод “Пионер”. Мы несколько месяцев там работали, делали что-то для обороны. Нам дали два пустых цеха, студентам, какие-то там типа пеналов ящички были, говорили, для взрывчатки, надо было их соединять, что-то там делать... Потом меня перевели зинковщицей, это на станок, делать отверстия в этих ящичках, чтоб соединять их можно было.

— Первое время — это осенью, да?

— Да, это когда мы приехали с практики.

— Но вы практику доотбыли все-таки? Несмотря на то, что началась война, практика не прервалась?

— Нет, не прервалась. Практику прошли, потом вернулись сюда. Но я, дело в том, что меня например не позвали на окопы, рыть окопы. Потому что незадолго до этого я

сделала операцию аппендицита, у меня был послеоперационный период, мне нельзя было. Но те, которые уехали на окопы, они почти сразу вернулись, потому что там, куда их послали, делать было нечего.

[Перерыв в записи – 10 мин.]

— Вы с отцом ссорились когда-нибудь?

— Ну, я не давала себя в обиду. Он мне как-то говорит: «У тебя паршивый характер!»

Я: «По наследству достался».

— По наследству от кого, от папы?

— От него.

— Он тоже был строптивый?

— Он был взрывной такой. Он очень добрый был, очень добрый. Но взрывной. А вот он всегда нас с Вовкой наказывал — в угол ставил. Значит, вставайте в угол! Мы встаем в угол. Проходит пять минут. Он кричит: меня отец на два часа в угол ставил, но если вы больше не будете, можете выходить! То есть мы не успевали еще привыкнуть к этому углу, а ему уже становилось нас жалко. И мы: не будем, и выходим. Вот так. А когда уже побольше стали, так мы даже со стулом в угол ходили, тащим стул и книгу. А между прочим когда моя дочка была в детских яслях в Павлодаре, я как-то прихожу, мне говорят: «Татьяна Сергеевна, вам надо заштукатурить наш угол, потому что мы Лену поставили в угол, а она там все отковыряла всю штукатурку отковыряла». Я говорю: «Милое дело, поставили — следите. Не буду штукатурить». А отец никак иначе нас не наказывал. Вот это наказание было, только в угол.

— А какие-нибудь конфликты подростковые были с отцом?

— Нет. Хотя вот когда он жениться решил, я напевала песенку: «Мой любимый старый дед, прожил 75 лет, а на 76-м оказался подлецом».

— Дразнили?

— Ну, я не в глаза. Дело в том, что 11 лет он жил один. Тогда когда мне 18 исполнилось, он сказал, ну теперь вы скоро разлетитесь в разные стороны, я один останусь. Вот он тогда решил жениться.

— Варвара Петровна работала с ним вместе?

— Нет, она работала в Институте водного транспорта как раз, в учебной части. Ее очень уважали. Она очень скромная женщина была и очень работоспособная такая, работающая была. Ее уважали очень.

— Когда папу пришли забирать, то вы были все дома?

— Только я с Вовкой. А она как раз со своими тетками умирающими в тот момент жила.

— Было известно что-нибудь о судьбе отца?

— Ну ходила, так ведь ничего не говорят же, там же еще суда не было. Тогда он еще в шарашке работал.

— То есть его сразу отправили в шарашку?

— Его сразу в шарашку отправили. Но шарашка-то эта только днем, а ночью тюрьма все равно, их же...

— Их эвакуировали потом, вместе с конструкторским бюро, по-моему?

— Нет. Нет.

— Он все время был в Ленинграде?

— Ну пока суда не было, а после суда его уже направили в тюрьму.

— Это был какой год, 41-й, 42-й уже, да?

— Нет, в 42-м, его отправляли в 42-м его...

— В марте?

— В конце марта его взяли.

— То есть вы уехали, не зная ничего об отце?

— Ну я уехала через 2 месяца после этого, через 2 с половиной. Но вот Варвара Петровна, она здесь осталась, она знала.

— То есть она пыталась узнавать об отце?

— Во всяком случае, ей сказали, где он, она виделась с ним, когда он работал в шарашке, вот он ей передал эту шкатулку.

— А потом она эвакуировалась туда же, куда и вы?

— Нет. Нет. Нет.

— А как так получилось?

— Мы не встретились там. Я ее встретила только когда вернулась в 56-м году в Ленинград.

— Вы ведь были в одном институте?

— Ну и что. Все равно все это по-разному было, это раз. Во-вторых, во-первых я бросила институт, стала зарабатывать деньги в изыскательской партии. Работала на практике и осталась там. Потому что надо было что-то есть.

— Вы вообще никогда не закончили институт?

— Нет, я потом вам расскажу подробнее. После практики мы вернулись обратно в Горький. А после окончания войны институт вернулся обратно в Ленинград. После окончания войны.

— А, то есть надо было продолжать учиться в Горьком?

— Да. И там сначала мы учились, целую зиму я училась.

— А брат ваш там же был?

— Да, он раньше меня. Он все-таки кончил, успел там кончить, и получил назначение в Омск. Он судомеханик. Оттуда перевелся он в Павлодар, это северный Казахстан.

— А там что за река?

— Иртыш. Перевелся туда. Там судостроительный завод, судоремонтный. Но его почему-то назначили начальником экономического отдела. Почему, не знаю, потому что он экономист был никакой. Ну после этого освободилось место старшего механика завода, он перешел старшим механиком завода. А потом его начали переводить в разные города, все с повышением, с повышением, и в конце концов он вернулся на этот завод директором завода уже.

— В Павлодар?

— Да. И там уже лет семь был директором перед пенсией.

— То есть он так там и жил, да?

— Так там и жил. Вот он женился там, у него три сына. Вот так.

— Вы семьями поддерживаете отношения, да?

— С ними не поддерживаю, только со старшим его сыном. С Сережкой поддерживаем. В Экибастузе работает, был главным инженером ТЭЦ. Ну последний раз... Редко видимся конечно, но последний раз... Раньше он когда вот инженером ТЭЦ работал, он сюда приезжал вот к нам в Ленинград, они там детали какие-то заказывали. А потом в последний раз я его видела года два тому назад.

— А Экибастуз — это Россия?

— Нет, это Казахстан. Сейчас это граница. Я написала письма, сегодня пойду отправлять письмо, это в Ригу. Тоже граница. У меня там подруга. Хорошая подруга. Они там три семьи уже теперь. Ее семья распалась на три части. Две дочки вышли замуж и она с мужем. Они все латыши. Но нас с дочкой считают самыми близкими родственниками, они считают. Раньше каждый год мы туда ездили и они сюда приезжали. Ну а в последнее время... Я вот последний раз была у них в 2000-м году. Нет, в 2002-м году. Приезжала туда, на недельку забрала ее двух внуков, привезла сюда, они у меня жили 20 дней, я их по всем музеям их гоняла здорово. Ой, у меня была программа. За полмесяца они 22 музея посетили, все загородные, и на теплоходе катались по речкам нашим. Я им такую очень насыщенную программу устроила. А теперь им сюда не попасть.

[Перерыв в записи 5 минут]

— А вы всегда были самостоятельной девочкой?

— Очень. Только с войны. Очень самостоятельной.

— То есть это само как-то пришло?

— Да. Но все дело в том что... Ну там... Когда... В институте нас, мы по группкам разделились. Во-первых, когда я была на практике, в меня влюбился начальник изыскательской партии, такой Давыдов Николай.

— На практике это уже после 2-го курса, на Волге?

— На Волге, да. И когда я вернулась из Горького, он мне сделал удостоверение командировочное, что я, Рузова Татьяна Сергеевна, вместе с двумя рабочими направляюсь в Горький в командировку за получением геоинструментов. И была в Горьком одна столовая, где по командировочным удостоверениям без карточек давали обед, только за деньги. Вот. Алка такая Федорова, Федорка, мы втроем питались. По этой командировке шли, питались, потом к нам в столовую шли. Там нас кормили тепленькой квашеной капусткой, назывался это блюдо шукрут. У нас шифровка такая была: шукрут — это широкое употребление капусты работниками умственного труда.

— А когда вы попали на эту практику на Волгу, я правильно понимаю, что там вы практически под обстрелом работали?

— Да. Дело в том, что вот Вовку, брата, он тоже туда попал на Волгу, на грузовом теплоходе “Осетия” он был механиком. Так их под Волгоградом разбомбили, все его вещи абсолютно утонули, а сам он весь в осколках пришел в себя под каким-то кустом. Как он попал под этот куст, его выбросило или он все же доплыл, он не знал, как он оказался на земле. Может, его вытащили, может, волна просто выбросила, может, кто-то ему помог, неизвестно. Он попал в госпиталь. Когда он там... на шее у него так и остались бугорки, бугорки... там кусочки металла остались, осколки.

— Вы знали, что брат в госпитале?

— Не знала. Я когда вернулась с практики в Горький, в наше общежитие, мне сказали: «Тебя солдат ищет». Какой солдат? Я ни с каким солдатом не знакома. А потом оказалось, это Вовка. Потому что его когда из госпиталя выписали, то госпиталь его одел, потому что вся собственная одежда у него была в клочки изорвана. Ему дали сапоги с обмотками такие, солдатские обмотки. Кроме того, ему дали шинель старую какую-то простреленную. А в пароходстве, которое направило его на практику, выдали ему материальную помощь — дали ему наволочку зеленого цвета и носки. Вот это материальная помощь! Я говорю, ну что ж, из наволочки я тебе трусы сошью, а носки вместо обмоток будешь ходить в них. Я взяла вату, взяла эту шинель, и я утеплила ее, ватную такую подкладку сделала.

— А вы хорошо шили?

— Ничего я шить не умела вообще. Просто нахальная я, я и продолжаю так же. Просто я считаю, что человек может все. В общем, я ему шинель сделала. А тогда был 40-градусный мороз.

— Это уже зима 42/43-го?

— Да. Очень холодная была та зима. И вот как-то он приходит, шинель бросает, говорит: «Все! Чтоб ты сейчас же все это выпорола». Я говорю: «Чего случилось?» Встретил товарища, который слышал, что он попал под бомбежку на Волге... Он говорит, жалобно смотрит на меня, и говорит: «Это после того как тебя разбомбили тогда, горб вырос?» Вот такая я была искусная швея. Так у Вовки была кличка Солдат. Потому что у него вообще из вещей ничего не осталось. Я его отправляла из Ленинграда, я его отправляла с вещами, в общем, он у меня был одет, обут. А когда я отправлялась, меня насильно чуть ли не отправили с последней партией, у меня никого не осталось, я одна, и уже я обессилела, то я была такая на взводе, что надо сделать, надо поддержать. А здесь я осталась одна и какое-то напало уже такое безразличие. И все-таки настояли на моей эвакуации.

— А кто настоял?

— Подруги мои. Но я до сих пор не помню, как я... ну вот этот процесс перехода к теплушкам. Я не помню совершенно.

— Вы по железной дороге эвакуировались?

— Да, по железной дороге. На теплушках мы около месяца наверно ехали в теплушке. Притом нас кормили на станциях, там, помню, супчик давали с манной крупой, то есть мы все с кастрюльками. А когда я на вокзале была, выкликали фамилии в списке... А около меня оказались такие два брата Никольских, наши преподаватели из института. Они услышали, что я Рузова, и говорят: «Ой, Татьяна... Таня, мы знаем хорошо твоего отца, мы будем твоими опекунами». Опекунство заключалось в чем? Что вот останавливаются теплушки наши, все бегут туда, где кормят нас. У меня ноги хорошие были, я бегу и занимаю очередь, за мной много-много-много народу, я кричу: «Профессоров Никольских вызывают!» Они: «Это мы». Значит, каждый, у них такие металлические мисочки. Ставлю их впереди себя...

— То есть, еще вопрос, кто кого опекал.

— А потом дальше они куда делись, не знаю. Потом мне сказали, когда я вернулась, что один из братьев умер, а второго я потом однажды видела. И вот до сих пор жалею, что я к нему не подошла. Мы как раз арендовали помещение для курсов в ЛИИВТе, и я сидела в учебной части. А был заведующий учебной части Недорезов такой, и этот Никольский пришел к нему. Он меня, конечно, не узнал, прошло порядочно лет. Лет наверно 12-14. Я думаю, признаться или нет, что я Рузова? И так и не призналась, а сейчас жалею. Надо было признаться. Они были женоненавистники, два брата. Но были хорошие люди, так что...

— Где вы работали во время практики?

— В изыскательской партии я работала. Изыскательская партия живет на дебаркадере. Это такое деревянное...

— Плавучее средство?

— Нет, не плавучее. Оно держится на плаву, но оно не переходит. К нам приходил пароходик, тогда не было теплоходов, а были пароходы, и перевозил на другое место, на другой перекаат. Перекааты – это самые мелкие места, которые нам и надо было снимать. Наша работа в этом и заключалась – план перекаатов составлять, и туда приводили землечерпательную машину, а мы делали на плане створы, куда поставить это, где надо углубить место, чтобы суда могли проходить, чтобы они не садились где-то на мель. Вот такой план перекаатов. Надо было делать нивелировку, надо было делать съемку, и в общем и так далее и так далее.

— Это долго продолжалось?

— Это продолжалось до конца войны. Я... там книжек не было, подруг не было. Там был десятник и рабочие. Рабочие были неграмотные женщины деревенские, ну а этот самый десятник, он может немножко пограмотней их был, но все равно... И я там по 15 часов в сутки работала. Я разыскала изюминку в работе и работала с удовольствием, с удовольствием работала.

— А что вам больше всего нравилось в работе?

— Да вся работа нравилась. Ну, мы вставали в 6 утра. И на лодках ехали куда-то, меня высаживали с инструментами, с кипрегелем, и там планшеты, и сами рабочие на лодках уходили километра за 2 от меня. И там они ставили створы и ходили по створам на лодках, опускали рейку и записывали, мне флажками там, три белых, один красный, три белых, один красный, в общем так. И записывали. То есть известно было, какой флажок и какая цифра. А я, наблюдая в свои инструменты, делала отметины, где они эти флажки делали. Потом возвращались, планшеты ставить надо было, и нивелировкой заниматься, и съемкой топографической...

— Вас кормили там, какой-то паек был?

— Нам давали рабочую карточку. И давали хлеб вот кило двести. Я... меня всегда выбирали хлеботоргом. Потому что у меня сил не было, я воровать не воровала, я вот, привозили мне селедки, например. Я эти селедки сразу резала на кусочки, взвешивала, и всем раздавала. Мне всегда доставалось меньше всех, и мне было наплевать с высокого дерева, на 30, на 50 грамм меньше или нет, мне хватало это, наплевать. И я только всегда страшно беспокоилась за муку. Потому что я отдавала муку нашей поварихе, у нас повариха была. Она пекла хлеба на 2 дня. Потом я взвешивала этот хлеб. Мы всегда получали больше, потому что припек. Я всегда общее количество делила на количество людей. И выдавала. Обыкновенно так-то 800 грамм в день, а у нас получалось 840, 845 грамм. Но я получала муку мешками, а надо было выдавать хлеб. Я очень боялась к концу месяца всегда, что вдруг не хватит. А тогда вот могли посадить даже за такую нехватку. Я как-то призналась, продавщице, которая мне муку выдавала, что наверно с ума сойду из-за вашей муки, говорю, потому что чем я буду расплачиваться? У меня же муки нет, и купить я не могу, у меня денег нет. Она говорит, Господи, подумаешь, да вот тебе полмешка муки на развес. Дала мне полмешка, я только заплатила денежки. И тогда уже я была кум королю, я уже не боялась, что не хватит, потому что был какой-то запас. И у нас даже мука осталась, мы наворовали капусты и делали пироги с капустой. Попались конечно. Видели, как мы воровали капусту.

— А где, прямо с огорода что ли?

— С бахчей каких-то, ну в общем, колхозных или каких-то там, с большого поля. Нет, не у частников конечно, а у колхоза какого-нибудь.

— Про папу вы тогда же узнали, где он находится?

— Да, да, да.

— Вы списались с Варварой Петровной?

— Да, да, да.

— А где она была, где вы ее нашли?

— Не помню. Она в другом месте была. Но, наверное, через институт как-то. Мы ведь все же были в одном институте. Она мне писала: «Таня, я не могу взять тебя к себе, потому что я сплю на сундуке хозяйском». Даже места ей не было.

— Это тоже было в эвакуации?

— Да, да.

— То есть институт так вот рассыпался, раздробился...

— Да, раздробился. А потом они соединились. И она вернулась сюда. А я уже к тому времени с учебой окончательно рассталась.

— Она первая вернулась?

— Она первая вернулась, и ей дали в общежитии место. А поскольку мне некуда было возвращаться, у нас квартиры-то уже не стало, я поехала к Вовке.

— А почему вам некуда было возвращаться, она же вас наверно могла вызвать?

— Куда, в общежитие?

— Но у вас же была эта квартира?

— Нет.

— А куда она делась?

— Ее сразу отняли. Ее опечатали. А потом...

— Опечатали, когда отца арестовали?

— Да. Нет, не сразу, после суда уже.

— Это было без вас уже, да?

— Да. А до этого ее обворовали, до опечатки. Ай... Это что, вот у меня когда блокада... Когда блокада еще была, папы уже не было, а Вовка мне говорит: «Таня, я начал с ума сходить, потому что я слышу запах жженого сахара и слышу, как ты его грызешь. А зная, что это не может быть, значит я с ума схожу». И я решила добыть сахар. Я стала копить хлеб. А тогда уже немножко больше давали. В общем я накопила 600 грамм хлеба.

— За сколько времени?

— А мне удалось, потому что я схитрила. Я пошла в наш ЖЭК, а очень многие умирали, в ЖЭКе карточек было очень много. Я говорю, что мне дайте карточку с братом. Потому что чтоб получить студенческую карточку, мне через весь город идти в институт, а это Морские ворота, это знаешь где... Очень далеко. Транспорт-то не ходил, надо идти пешком. Мне говорят: «Дайте справку, что вы не получили карточки институтские». Я говорю: «Если б я могла дойти до института, я бы служащие карточки получила, а так я у вас иждивенческую прошу». Дали мне две иждивенческих карточки. Я накопила поэтому 600 грамм хлеба. Я пошла в этот магазин, угол Чайковского и Литейного, и сейчас есть магазин. Помню, я вошла, там такой буквой Г, я прямо туда. Там уже прилавок и стояли около прилавка мужчина с женщиной, она так повернулась и положила кулечек на весы. А там были весы такие со стрелками механические, и там 200 грамм. Я подошла и говорю: Вы что-нибудь меняете? Тогда не продавали, тогда только меняли.

— Почему?

— А потому что деньги ничего не значили, а жрать-то хочется. А она говорит... Это же было апрель месяц 42-го года, блокада. Она говорит: «Да вот, 600 грамм хлеба хочу вместо песка [имеется в виду сахарный песок]». Я говорю: «А у меня как раз есть 600 грамм». Она говорит: «Конечно, сахар более полезный для организма, но хочется живот набить, поэтому приходится менять». Потом достала еще 25 грамм какао. Такой фунтик был свернут маленький. Это иногда, это редко нам давали. Она говорит: «Вот еще какао». Я говорю: «Нет, у меня больше хлеба нет». Она такая интеллигентная женщина, приятная. Поменялись мы, пошли к выходу, потом прошли один дом, она говорит: «Ну мне сюда», в подворотню пошла. Я иду и думаю: «О, у меня же 200 грамм сахарного песка, целый стакан!» Потом думаю, чего-то пакетик поменьше стакана, разворачиваю, а там речной песок. У меня прямо сердце как будто льдом покрылось. Я сразу за ней, в этот двор, а двор проходной оказался. Вот так. Я и без хлеба и без сахара вернулась. Вот сколько лет прошло, а я даже в тот магазин никогда не хожу.

— А это прямо в магазине происходило?

— В магазине.

— Это пустой магазин, или там люди были какие-то?

— Да ну, люди на меня не обращали внимания.

— А почему там люди были? Там что-то продавалось разве?

— Да. Продавалось. В основном хлеб продавался. И все магазины, даже из канцелярских магазинов были сделаны булочные. Притом так сделаны были, что до потолка фанера и окошечки, где продавался хлеб, а эта часть магазина была просто пустой. Потому что были случаи, когда хватали буханки и убегали. Так вот чтобы этого не было, там только окошечко сделано было, как эта продает хлеб, режет на кусочки, а остальное все до потолка было заделано фанерой. У меня вот этот неприятный случай и второй был в Горьком, когда мы питались студентами.

— А вы жили там в общежитии?

— В общежитии. Педагогический институт, вот вы были в Горьком?

— Была.

— Там когда поднимаешься наверх, площадь, и стоит памятник Чкалову.

— И сразу за ним здание серое, это педагогический институт был. Педагогический институт выделил для нас полздания. Значит, 1-й этаж, там ничего не было, а 2-й, 3-й наш институт, а 4-й этаж – корабелка.

— А они тоже туда же переехали?

— Тоже.

— Это учебные аудитории были?

— Нет, это общежитие нам дали. А учебные..., мы занимались в здании Речного училища, потому что здание института было передано госпиталю.

— Но вы там долго проучились, прежде чем поехать работать?

— Год.

— Почему вы все-таки решили перестать учиться?

— А потому что был такой, Николай Дмитриевич, десятник, такой высоченный дядька, он мне сказал: «Татьяна Сергеевна, не разрывайтесь, потом вы всегда успеете кончить институт, а сейчас, когда так голодно, вам надо работать». А ребята наши не могли себе найти никакой работы, кроме временной. А у меня была постоянная хорошая работа в изыскательской партии.

— А временная работа какого характера?

— Разного. Снег сметать – раз, разгрузка барж – два. Вот такие работы.

— То есть они как-то могли подработать все-таки.

— Да. А девчонок не брали. И он говорит: «Переходите ко мне». Он был начальником гидроотдела Волжского пароходства. Потом я ушла от него сдавать экзамены, а тогда нельзя было увольнять. Но он меня уволил. Он сказал, конечно, давайте, сдавайте, а потом будете оформляться на работу на постоянную, вот я за второй курс сдавала экзамены. А потом он меня познакомил с главным инженером Горьковского техучастка. На изыскательскую партию. Меня взяли техником изыскательской партии.

— Уже на постоянную работу?

— На постоянную работу. Уже трудовая книжка с 3 июня 43-го года, постоянная работа.

— А брат ваш продолжал все-таки учиться?

— А брат да. Он уже был на 5-м курсе, на 4-м.

— А жили все в общежитии, да?

— Жили в общежитии вот в этом общежитии...

— Все вместе? Вы с подругами, брат?

— Нет. Да, да, да. Ну женское отдельно, на 2-м этаже, а он на 3-м. Ну, там ребята ко мне очень хорошо относились. С Вовкой жило там семь человек в комнате. А мы готовили все на электрических плитках, что было противопоказано, запрещалось.

— Где же вы взяли электрическую плитку, это редкость была?

— Нет, не такая уже редкость была, там открытые спирали были, которые без конца портились, мы их все время соединяли. Но запрещали.

— Пожарники?

— Пожарники, пожарники, кроме того, электричество тогда берегли. У нас стоял стол посередине комнаты, на столе стоял стул, а на стуле стояла плитка, на ней кастрюлька, а от плитки шнур, он иголками был воткнут вот в это...

— В электрическую лампочку что ли? В шнур?

— Да, в этот шнур. Я помню, как-то мы проснулись, шум, грохот, оказывается, вошел комендант, у нас не была заперта дверь. Он вошел и все это обрывал. И плитку унес тогда, и все нарушил. И после этого где кто мог готовил. Дежурство у нас было, но меня чаще всех в дежурные выбирали, потому что я могла отнести кастрюльку к мальчишкам в комнату и там готовить. А они обязательно, если я поставлю кастрюльку, кто-нибудь дарили кусочек сала бросит туда, или кусочек мяса бросит туда, то есть у нас был более наваристый обед...

— Было выгодно чтобы вы дежурили?

— В том-то и дело. Вот так. А вот однажды я была дежурной, а у дежурной хранились карточки, мы втроем столовались. Вот я была дежурная. Я ехала на трамвае, висела на подножке. Народу было много, я висела. Около меня какой-то парень висел. Подъезжает трамвай, подходит к остановке, он спрыгивает, а я почувствовала как-то вроде вот так кто-то мне сделал, вот так, рукой. Я сунула руку в карман — карточек нет. Я спрыгнула и за ним. Он перебежал на другую сторону улицы, я побежала за ним, подбегаю, говорю, отдавай карточки. Он говорит, ты что, с ума сошла, чего ты ко мне привязываешься! Мол, прыгаешь там неизвестно где, все уронила наверно. Я говорю, ничего я не роняла. Ты знаешь, говорю, кого ты обворовал? Ведь мы студенты ленинградские, блокадники. А ты

обворовал нас. А это было в начале месяца, так что шансов у нас не было никаких. Он говорит: «Пошли, ты наверно обронила там, пошли посмотрим». Повернулся, пошли мы по направлению к трамваю. Достает мои карточки из кармана, говорит: «На, никогда во внешний карман не клади». Я это запомнила, я теперь никогда во внешний карман ничего не кладу.

— Ну все-таки повезло, что вернул, потому что как бы вы жили...

— Повезло. Потому что он-то... я когда сказала, что студентов ленинградских обокрал, ему, наверное, и стыдно стало. Но вот повезло, что такой совестливый воришка оказался. А так я еще и донором была, донорам давали рабочие карточки. Вот сдашь кровь, на два месяца получаешь рабочую карточку. Через два месяца сдаешь опять кровь — опять на два месяца рабочую карточку. У нас было, вот Алка сдавала кровь и я. А Дорка не могла сдавать, у нее порок сердца был. Вот у нас было 2 рабочие карточки и одна служащая на троих. Ничего, как-то так, выживали.

— Давали еще за донорство еще какой-нибудь паек дополнительный?

— Да, да. Один день. На один день кормили нас.

— Я слышала, что масло давали, еще что-то.

— Нам дали один раз тем, которые эвакуировались в августе месяце, а таких у нас не было, у нас последние эвакуировались в мае. Но масло-то очень хотелось получить. У нас ребята собрали у всех эваколистки, такой Ромка Бурдович был, он всем в эваколистках переправил май, март и апрель на август месяц. У всех было записано, что мы в августе эвакуировались, нам всем дали пайки, разовые. Дали по килограмму масла.

— А это постановление какое-то было?

— Было да, какое-то решение, да, ленинградским... Ну что за глупость — почему только августовским эвакуированным — ведь в августе уже никто не эвакуировался! Я помню, у меня брата, ну вот там у нас паровое отопление не работало, ни канализация, ни водопровод. Мы ночью кому куда-то сходить, сразу будили всех, нас пятеро жило, мы все спускались вниз уже во двор, делали свои дела.

— Прямо во дворе или там была какая-то уборная?

— Нет, уборной не было, прямо во дворе. Кто где. Один раз я... второй раз мы выходили, я села и нашла шарф, одной нашей студентки. А потом когда пришли на свет, я вспомнила, что я его предыдущий раз одевала. То есть первый раз я одела, потеряла...

Кассета 2

— Расскажите, пожалуйста, про мамину семью.

— У нее отец был старшим механиком на царской яхте. “Полярная звезда”, по-моему, она называлась эта яхта. Но он умер рано, он умер в 909-м году. Еще за 8 лет до революции.

— А девочки учились на казенный счет или в семье были средства?

— Нет, нет, на казенный. Царица, которая курировала Смольный институт, она их определила, всех трех. Ну, две из них окончили, третья окончила уже на Литейном какое-то учебное заведение, уже в последний по-моему год перед революцией, или во время революции.

— А как сложилась судьба маминих сестер?

— Старшая, Елена Павловна. Она была... У нее командующим Балтфлота был муж, и его расстреляли в ежовщину 37-м году. Его фотография, кстати говоря, висела в Военно-морском музее.

— А как его фамилия, еще раз скажите.

— Сивков Александр Кузьмич.

— А ее не выслали?

— Ее посадили в тюрьму. А детей, мальчика и девочку, взяла на воспитание вот эта младшая сестра.

— У нее своя семья была?

— У нее муж был, да, он преподаватель института был, но дело в том, что он был подкаблучник, у нее очень сильный характер был, а он такой тихий спокойный был, то есть он возражать ей никогда не осмеливался.

— Вот она воспитала детей старшей сестры?

— Она воспитала.

— А как ее звали?

— Ольга Павловна ее звали. Коржакова.

— А как сложилась судьба Елены Павловны?

— Ну сначала она сидела в лагере. Потом ее освободили, но не разрешили жить в Ленинграде. В Вышнем Волочке она жила. Но она сюда все-таки приехала. Ночевала у младшей сестры. Полати были, над коридором. Там она ночевала, если кто-то являлся, потому что это незаконно было. И только после того как Сталин умер, стали пересматривать все дела, ей дали пенсию, тогда большую, 175 рублей. Вот когда была у нас 120, ну 1200, 120, почти одно и то же, потому что они то так считали, то этак, тогда ей дали 175, ей гораздо больше дали, чем обычная пенсия. Дали 2 комнаты, ей и дочке, потому что квартира тоже была у них до ареста.

— Так у нее двое детей было?

— У нее было двое, но сын Никита, он младше меня на год, он на фронт пошел и сразу погиб на Ленинградском фронте. А дочка Верочка, она и сейчас жива, она работает в Публичной библиотеке, она работала начальником иностранного фонда долгие годы, а потом, когда пошла на пенсию, это место уже отдано было, а она просто числится там ходит по полдня работает.

— До ареста дяди и тети, до 37-го года вы общались?

— Да, конечно.

— Вы, будучи детьми, знали об арестах дяди, тети, что ваши двоюродные брат и сестра одни остались?

— Да. Мы же уже большие были. Конечно, знали. Верочка небольшая, а Никитка...

— Никита вас младше на год?

— Да.

— А Вера была младше, чем он?

— Да, Вера... когда сейчас скажу, а, на 10 лет, нет, на 9 лет она младше меня.

— Она совсем маленькая была.

— Да. Ну вот тетю Лялю-то она знала хорошо. Но дело в том, что их родителей взяли и опечатали квартиру, это было летом, а наступала зима, детям нечего было одеть. Но там, это на Карповке дом такой, там на 2-м этаже какая-то идет галерея мимо всех окон. Я вот эту галерею хорошо запомнила. А вообще у них на площадку лестницы выходили окна туалета. И тетя Ляля пошла туда, выставила окно в туалет, это самое, на площадке лестницы, они, правда, небольшие окна были. И Никитка влез туда в квартиру и всю одежду ей покидал, то есть она их одела. Такая энергичная была очень.

— Была переписка с Еленой Павловной, когда та была в лагере?

— Не знаю, потому что мы жили совсем в разных местах... разных краях, разных городах совершенно, поэтому не знаю.

— Но это начиная с войны, а до войны была переписка, вы помните?

— А до войны Никитка большей частью у нас жил. Он дружил с братом и большей частью жил у нас дома. А Верочка жила там, у тети Ляли. Я помню, я Верочке подарила свое пальто демисезонное, мне купили, я значит осень поносила, и зимой отнесла Верочке подарила. Весной стали это пальто искать все. А я не посчитала нужным кому-нибудь сообщить о том, что отдала свою вещь. Это ведь была моя вещь, и я сделал с ней, что считала необходимым. Потому что я никогда не спрашивала разрешения, что можно что нельзя.

— А каких ваши тети были годов рождения, кто из них старшая, младшая?

- Сейчас вам скажу, вот эта была девяносто... 1895 года рождения.
- Елена Павловна 95-го.
- Да. Мамочка 97-го года.
- 97-го.
- А эта 900-го.
- Ольга 900-го.
- А мама не училась никогда больше нигде?
- Когда? Когда? Девочка, ты, не... понимаешь, она же заболела вскоре... Во-первых, она вышла замуж. Отец обеспечивал семью.
- А как они познакомились?
- Неизвестно это мне, он не рассказывал. Я только знаю, что он приходил к ним в гости.
- Но они поженились до революции?
- Они поженились после революции, они поженились в 19-м году. После. И уже в 1920 году родился Вовка, а в 1921 году родилась я. И она была только женой, матерью и хозяйкой в доме. Папа зарабатывал достаточно, и никому не приходило в голову, что ей надо идти куда-то работать. Это было совершенно не в традициях семейных. Даже если бы она и не заболела туберкулезом, она все равно никуда бы работать не пошла.
- Папа когда начал преподавательскую работу?
- Не помню сейчас, но он начал преподавать в Гидрографическом институте и перешел туда проректором по науке, проректором по учебной части, по-моему. А это недалеко от Дома книги. Следующий дом что ли желтый такой. Там такая лестница наверх была высоко, я помню большая зала была, а потом из зала вниз лестница прямо в столовую шла.
- А вас папа с собой на работу брал?
- Была несколько раз, да. Я помню, у меня были именины, он там в столовой заказывал торт, ему делали на заказ. А еще помню, папин шофер нас возил кататься вдоль Невы, там мостики такие, когда так съезжаешь, как будто бы в яму проваливаешься, мы очень любили это катание. А вообще он такой был, он не любил, чтобы кто-то перед ним ехал, ему надо было обязательно обогнать. Это нехорошее качество для шофера.
- Татьяна Сергеевна, вы говорили, что был какой-то ранний арест папин?
- Да, когда были маленькие, тогда домработница, вот я проснулась, она сидит и плачет, и вот сказала мне, что папу забрали. Мы были небольшие, не очень маленькие, но и не большие. Это может быть тогда брали военных моряков, вот такое было, шерстили. Это было... или в 35-м году... К 30-му году это было ближе, да... Потом был арест в 37-м, последний – 41-й. Папа был достаточно бесстрашный человек, он никогда не оглядывался, что можно говорить, а что нельзя.
- Разговоры какие-нибудь политические дома были?
- Никогда, ну никогда. С кем он мог говорить, ну что, с нами о политике?
- Он вам мог, например, советовать вам не говорить лишнего. Никогда этого не было?
- Никогда.
- И вы в принципе не знали, как папа относится к власти, к политике?
- Нет, ну тогда вот..., вот сейчас очень много разговоров на эту тему, все говорят. А тогда... Он наукой интересовался, его не шибко политика интересовала.
- А вы с братом тоже не были политизированы, идеологизированы?
- Нет, абсолютно, абсолютно.
- А какие книжки больше всего любили? Были книжки, которые вы могли читать бесконечно?
- Бесконечно никакую книжку я читать не могла. Мне нравился Жюль Верн. И не только, и, Майн Рид нравился, Диккенса многое что я читала.
- А какие-нибудь были герои, чтоб вы хотели подражать?

— Нет, я не возражала бы, если бы кто-нибудь мне подражал, абсолютно. А сама я подражать никому никогда не хотела, всю свою жизнь.

— То есть не было каких-то героев, может быть даже не литературных, а каких-то общественных, которые бы оказали на вас влияние.

— Нет, нет. Оказал влияние вот этот Летицкий. Я его презирала, из-за которого у Вовки комсомольский билет отняли. А так, все дело в том, что я говорю, что у нас очень многие, как это теперь говорят, реализовались. Шурка был Пожарский, Сережка Серебряков, он стал известным профессором по раковым заболеваниям, Сережка известный ученый, но у него пунктик был – отметки хорошие выпрашивал, ревел, если ему поставят тройку, то совсем слезы, а все пятерки он выпрашивал. А потом оказалось, что его родителей арестовали, а его воспитывала очень сердитая тетюшка. Поэтому он плакал из-за оценок.

— Татьяна Сергеевна, ну вот вы со своими одноклассниками отношения после войны все-таки возобновили?

— Кто нашелся. Большинство все-таки уцелели, но вот таких вот общих встреч не устраивали почему-то. Так, встречались по несколько человек. Правда однажды была...

— Встреча выпускников?

— Да. Это было у одной дома, у нее очень большая комната. Около 40 метров одна комната. Это вообще ее квартира двухкомнатная, но одну комнату она сдавала каким-то студентам, а вот в эту большую она собирала нас. Было нас человек 30 наверно.

— Это было после войны уже?

— Да-да-да, это было сильно после, наверно... может быть даже 70-й год.

— То есть это она собрала человек 30 из примерно 60-ти, да из двух классов?

— Больше даже, нас было 83, ну из 80-ти. Вот тогда мы встретились. И то там было наших мальчишек по-моему человека три, девчат побольше было.

— А тот класс больше уцелел, да?

— Тот больше уцелел. А может быть не больше уцелел, может быть больше контакт был, не знаю.

— А, может быть больше собралось.

— Может, не все наши знали.

— Татьяна Сергеевна, как вы считаете, есть какое-то различие между вот этими школьными дружбами и той дружбой, которая завязывалась во время войны? То есть это важно было — друзья во время войны?

— Друзья всегда важны, причем тут война. В любое время друзья важны. У меня, мне всегда везло, меня окружали хорошие люди, вот в скольких местах я ни жила. А может, потому что от неважных я сразу резко отворачивалась. Я не прощала там, если кто-то что-то не так, я просто сразу же рвала отношения. Ни объяснения, ни уговоры на меня не действовали, я просто рвала.

— Не жалели потом?

— Никогда, никогда. Если я уж порву, если мне не понравился человек, то о чем же тут жалеть?

[Перерыв в записи – 2 мин.]

— Мама долго болела туберкулезом?

— Помню, в детстве, ей из дегтя какие-то таблетки давали. Тогда чем только не пробовали лечить. В 28-м году. А потом было научились лечить, а сейчас опять вроде проснулся туберкулез.

— Формы, устойчивые к лекарствам... А у вас с братом было приличное здоровье в смысле легких?

— Мы все время были на учете, все время. Вот в Горьком я была у врача, когда я кровь сдавала, и мне просвечивание сделали, сказали, что у меня обнаружены зарубцевавшиеся туберкулезные очаги. Когда они просыпались, я не знаю. Вероятно в блокаду. Вспышка была, а потом зарубцевались.

— А по ощущениям вы не понимали, что это вспышка?

— Нет. Нет, нет. Ну вот я говорю, что нашли в Горьком, что зарубцевавшиеся, а в то же время что я была все время на учете, у меня ничего не находили, а ведь чего только не принимали. Я помню, отец как-то принес, мы пили... железо через какие-то стеклянные трубки такие, чтобы зубы не повредить. Чего только он с нами не делал, стараясь как-то укрепить здоровье.

— Ну конечно он боялся очень.

— Ну, таких как он, я говорю, что я не знаю вот так мужиков, что никаких женщин не было, ничего, все-таки 11 лет он воздерживался после смерти мамы, и только потом женился. Я помню, в блокаду все переехали ко мне в комнату, у меня тогда была самая маленькая, 13 метровая, не топили, ничего, холод собачий везде был, все заперли все двери, и здесь была у нас буржуйка. И я проснулась ночью, Варвара Петровна плакала и говорила: тебе все дети, дети, дети. Я подумала, а чего она думает? Иначе как же может быть? Всю жизнь он над детьми дрожал, и вдруг... Ну конечно. Ей наверно обидно было... Вовка тогда сначала в армии был.

— А когда брата призвали в армию? Подождите, он же учился?

— Он учился, ну и что, война началась. Всех наших... группы, все мальчишки сразу ушли в добровольцы. А Вовку призвали, но это самое, это было, он был на 4-м курсе, перешел на 4-й...

— Он старше вас на сколько, на год?

— На год и 4 месяца. Так вот его взяли в армию, я помню... улица Красной Конницы, что ли?

— Это Петроградская?

— Нет, не на Петроградской, около Некрасовского рынка, куда-то сзади я туда ходила, и они где-то были на пятом этаже, там заперты были, совсем мальчишки еще, они не были на фронте, только их призвали, и они мне на веревке спускали сумку, и я ходила им покупала всякие питания, ну в том числе и папиросы.

— Это было когда, осенью 41-го?

— Нет. А, да, подожди, да, это было осенью.

— То есть еще не было такого тяжелого положения.

— Да.

— То есть с продуктами было плохо?

— Плохо, но еще можно было купить. Вот. Потом их куда-то погнали, ну гнали в сторону фронта, но оружия им еще не давали. Потом они ночевали в какой-то канаве... Это поздняя осень, потому что они проснулись примерзшие во льду. Их вырубали. И Вовка заболел двусторонним воспалением легких. Его сразу оттуда из этой канавы в госпиталь отправили.

— В Ленинград?

— Да, около Ленинграда. Вот, а потом вышел приказ как раз студентов с 4-го курса в армию не брать. Их отправили доучиваться, да. Но доучиваться уже не пришлось, потому что уже ослаб после этого, и уже начались трудности с питанием, и он лежал просто дома.

— То есть после тяжелой болезни он оказался в голодных условиях?

— Да. Его пришлось переворачивать просто, поворачивать. Сам он уже вообще не мог перевернуться. И мы его переворачивали, чтобы не было пролежней. Пролежней мы очень боялись, если бы они образовались, то он мог бы погибнуть, скорее всего погиб бы.

— А как он уезжал в эвакуацию, мог сам дойти до вокзала?

— Ой, я тащила что-то на чем-то, мы наверно... не знаю. Наверно, колясочка какая-нибудь, я не помню вот этот момент, я про себя-то не помню, как я до теплушки добралась... А он на месяц раньше меня. Это было... В апреле месяце он. А вот не помню, ни как сажала его... Ну знаете, такое вот, может быть это такой был шок, что просто запретное воспоминание. Я долго не могла вспомнить, как я добралась. Я помню, что вещи свои сначала... У нас много картин было, вот я вынула одну, багет большой,

привертела от кровати колесики и положила туда что-то и свои два места, у меня чемодан и морской мешок называется.

— То есть на картины сложили, как в тележку.

— Нет. Картины я вынула.

— А что осталось?

— Багет. Рама. Вот. И на лестнице у меня все это развалилось. А дальше я не помню.

— А вы как-то вы ее дотащили все-таки.

— Может быть, кто-то помог. Что-то я вспоминаю, какая-то у нас была Шура, Чаплина, Чаплыгина, напротив жила. Там напротив нашей квартиры была коммунальная квартира. Там жил домо... как же...

— Домоуправ?

— Домоуправ. Он к нам домой приходил по телефону звонить. Он надевал у себя галоши, шел по площадке в галошах, входил к нам в прихожую, снимал галоши.

[Перерыв в записи 5 мин. на телефонный разговор]

— Были какие-то учителя, которые на вас оказали влияние?

— Вот в первом классе был какой-то у меня учитель мужчина, я его совсем не помню, абсолютно. Во втором классе, я сдавала когда в школу экзамены за первый класс. И вот были, принимались экзамены на первый класс, первый класс с нашего района. Никого родителей не пускали с детьми. Но папу пустили со мной. Я волновалась. Когда мне сказали: напиши имя и фамилию, я так разволновалась, что я написала Раня Тузова, то есть я первые буквы перепутала. Не Таня Рузова, а Раня Тузова. Отец смеялся. Учительница эта, ее звали Олимпиада Тимофеевна, пожилая, очень хорошая, очень. Когда она узнала, что я все-таки не Тузова, а Рузова, она говорит: «А я знаю твоего брата, он у меня учится». Учился у нее. Потом она стала нашей учительницей. Она была настоящей учительницей. Она такая добрая, она так доходчиво все объясняла... Она замечательная была. Но жила она где-то за городом, она ездила на поезде. И вот один раз у нее украли деньги. И до нас это дошло. Мы... а тогда нам давали на обед рубль. Мы собрали все рубли, там мы рублей 40 собрали, и мы ей тихонько в портфель сунули. Потом она рассказывает, что дескать, стали проверять билеты, она полезла за билетом. А ей говорят, гражданка, вы деньги теряете. Она говорит: я знаю, что у меня денег нет, и вдруг видит, что у нее из портфеля рубли сыпятся. И вот она пришла, со слезами говорит, что я так вам благодарна за заботу, но только сразу же возьмите деньги обратно. Мы: «Мы не знаем, кто сколько давал, мы не можем взять». И так мы по-моему у нее не взяли, не помню.

— Это был какой-нибудь третий класс?

— Да, не больше. Не больше. Я поступала в 17-ю школу, на Некрасова, угол Некрасова и Маяковского. А потом она слилась вместе со школой в Басковом переулке, в Басков отравили всех маленьких, до 4-го класса, по 4-й включительно, а старшие остались на Некрасова. Но поскольку я была маленькая тогда, меня отравили, и так потом там и остались. И эти набрали себе малышей новых. То есть эти школы опять разъединились. А я попала в такой период, когда они слились вдруг.

— Вы помните 53-й год, смерть Сталина?

— Очень хорошо.

— Радовались?

— Нет.

— Боялись?

— Нет, не боялась, и не печалилась, и не радовалась, это точно. Но я помню, что мы решили собрать деньги ему на подарок... не на подарок, а на похороны, на пьедестал чтобы его поставить. Во всяком случае, это мы собирались сделать. Один мой знакомый...

— Это было искренне?

— Это искренне было. Вот несмотря на то что Сталин столько нам сделал... И все-таки это было искренне. Я удивляюсь, вот был у нас главный инженер в Павлодаре...

— Вы в этот момент были в Павлодаре?

— Нет, в Новосибирске. А когда я была в Павлодаре, у нас был главный инженер, Путинцев такой. Они в Красноярске живут теперь всей семьей. Так он подал даже, он был беспартийный, он подал документы в партию вступить. Значит, что тот умер, чтоб поддержать партию. Он был абсолютно аполитичен и вдруг такое. Но его почему-то протянули, и он забрал документы обратно, так и не стал партийцем. Он заслуженный тренер по альпинизму.

— Татьяна Сергеевна, а дальше, 56-й год? XX съезд?

— В 56-м году я была уже здесь.

— XX съезд вас как-нибудь затронул?

— Это меня как-то не очень волновало...

— Вы не обсуждали с папой это?

— Нет.

— Доклад Хрущева не обсуждали?

— Когда оказалось, что Хрущев такой сякой пятый... А, нет, Хрущев наоборот все их выпустил, когда про Сталина, про Берию и всех стало ясно... Вот про этого я говорила, заслуженный тренер. А это его жена Валя... А это его... его внучка или правнучка, нет, правнучка, правнучка, да. Дочка вышла замуж, а внучка совсем молоденькой, вот дочка его. Вот сын Сашка его. Сашка тоже стал скалолазом, он в Москве живет. Это новосибирские, это павлодарские... вместе работали...

— А в Новосибирске вы где работали?

— В Судостроительном заводе. Была мастер производственного обучения.

— То есть вы все время всех учили.

— Да.

— А почему вы на этой фотографии в форме?

— Носила форму, притом два раза — это же был речной флот. Потом... Это было в Павлодаре, это было 47-й год, носили форму, а здесь мы уже не носили погоны, зато носили на шапке нашивки... Но здесь вот старший инженер одно количество нашивок, инженер другое...

— А это форма какая?

— Да. Ну вот офицер речного транспорта.

— А какое у вас звание?

— Маленькое, младший лейтенант. Хотя вот моему товарищу дали старшину, он страшно возмущался!

— Почему?

— Меня только это интересовало, когда я на танцы ходила сначала, что тогда я первая получила вот это, эти погоны, поскольку я относилась к Бассейному управлению пути, и их раньше аттестовали, чем заводских. То есть заводские еще не могли носить погоны, они еще не получили их, а я уже одна в Павлодаре, и представляешь, какой я на танцплощадке фурор производила. Это больше меня волновало.

— А на танцы часто бегали?

— Да, сначала очень даже часто. Вы знаете, я очень устала, может, мы закончим наш разговор?

— Да, конечно, только, Татьяна Сергеевна, у меня еще один вопрос — я так понимаю, что вот к советской власти у вас достаточно скептическое отношение?

— Почему?

— Нет?

— Нет. Я тебе скажу, советская власть дала мне возможность выучить дочку, советская власть дала мне возможность каждое лето дочку куда-то отправлять, это тоже сейчас не очень-то. Так что я не могу ничего сказать...

— Почему вы в партию не вступали?

— Мне люди не нравились, например, в Павлодаре была одна баба, очень неприятная. Она была член партии, она очень была такая партийная. Она абсолютно отдавалась

каждому мужику, который приезжал, и говорила: «Я только с начальниками живу». Ну, разве хорошо? Вот это член партии видный. Ну в общем знала некоторых. И знала других, которые не были членами партии, тот же Путинцев. Он был у нас главным инженером, он никогда не был членом партии. Был очень порядочный человек, хороший семьянин.

— Вам предлагали наверно в партию вступать?

— Предлагали, но я все время говорила, не доросла. Но я не говорила, что отец сидел. Тогда бы мне не пришлось бы работать на этих должностях, на которых я работала.

— А вы скрывали?

— А меня никто не спрашивал. Тогда была война, и все в войну растерялись, потерялись и так далее, поэтому...

— То есть вы анкеты не заполняли никакие такие?

— Таких нет, где бы спрашивали, где отец. Просто я попала в такое русло, которое вынесло меня просто на своих плечах. И поскольку меня ценили за работу, никому в голову не приходило интересоваться анкетными данными. А в партию я не собиралась. У меня и так очень много этих... почетных грамот, благодарностей всяких. Но мне как-то все было безразлично, я не чувствовала подъема получая эти... Вот например, одно время было так, можно тебя на доску почета за хорошую работу или вместо этого дадут премию. Я всегда конечно выбирала премию. Дочка была маленькая, вот уж не помню, сколько ей лет, лет 7, наверно было... Я ее как-то взяла вместе с собой на первомайскую демонстрацию, я всегда ходила на демонстрации. И, значит, мы входим в здание порта, там с левой стороны доска почета. Она говорит: «Мама, ты говоришь, что хорошо работаешь, а тебя здесь нет!» Я так хохотала. Прохожу в наш отдел, тогда я еще работала, только приехала недавно, в коммерческом отделе. Я говорила с начальником. Начальник там стоит, говорит: «Что вы, Татьяна Сергеевна, смеетесь?» Я говорю, да вот дочка сказала, значит, ты не так хорошо работаешь, раз тебя нету на доске почета. А я как раз только сюда переехала, не так давно и все пусто, надо было и вилки, и ножи, кастрюли, все покупать. Вот я и выбирала все время премии. Он говорит моей дочери: «Леночка, если ты будешь хотя бы похоже работать, как мама, тебя будут на руках носить». А потом наоборот. Когда я в пароходстве работала, того, кто на доску почета, и плюс к этому давали премию. Вот здесь я уж пожалуйста. Деньги мне тогда нужны. А так вообще я не очень-то за деньгами не охотилась никогда.

— И все-таки если с места на место приходилось переезжать, то это все равно тяжело же финансово.

— Ничего. Я была вот где: Горький, Павлодар, Новосибирск.

— И все-таки вернулись.

— Конечно. А как же?

— Было ощущение необходимости вернуться сюда?

— Было все время ощущение, долгое очень, много лет, что я временно где-то. Понимаешь, что вроде вот как в экспедиции или на дачу уехала, еще где-то. Не было такого, чтоб я постоянно где-то нахожусь, такого не было. Я была уверена, что я вернусь. Но тогда не было разговора даже. Конечно трудно было предугадать, что сделают так, открытое письмо это после смерти Сталина. Ведь сколько дутых этих дел, ведь они старались не просто дело на одного, они старались обязательно по несколько человек, чтоб показать, вот разоблачили группу мы... А его заставляли еще говорить, что Варвара Петровна тоже втянута в это.

— Доклад Хрущева, это было для вас открытием тогда?

— Конечно. Конечно открытием, потому что хоть знали, что... Но никогда не думали, что...

— Но вы знали про своих близких, а про масштабы репрессий не догадывались?

— Ну такие конечно нет, но вообще конечно у нас очень многих родителей из класса были взяты. То есть в школе... Говорили, что много вообще-то. Но не думали, что такое массовое.

— Чем папа занимался в шарашке, он рассказывал?

— Я знаю, что он очень много высчитывал, какие-то таблицы составлял по звездам, вот это он очень много, это приработок такой был дополнительный, а так гидрография.

— Татьяна Сергеевна, так я не поняла, вы вроде бы говорили, что вы носили папе, папе передачи.

— Да.

— Это было в блокаду?

— Это было в блокаду.

— И их принимали?

— Их не принимали. Это было до суда, до приговора. То есть там суда-то и не было практически, но до приговора. Дело в том, что я носила, но я ни разу не отдавала, у меня ни разу не принимали, потому что они не находили его в списках, или не хотели находить. Кто их знает, он тогда в шарашке был.

— Вы ходили на Литейный?

— Я на Литейный ходила, да, ночью вот как раз, мы дежурили... Надо было в Кресты или на Нижегородской... Но ведь они могли бы сказать, откуда я знала? Но они никогда ничего не говорили.

— А очереди были там, люди приходили?

— Очереди были, но не разрешали вставать в очереди, мы по одному ходили всю ночь то в одну улицу, то в другую, и так возвращались, между собой говорили, то есть мы свою очередь знали приблизительно.

— Вы как-то записывали номера?

— Не помню. Но мы с вечера приходили, и ходили там по улицам до утра.

— А как же комендантский час?

— А тем не менее, вот я говорю, мы как все равно бледная немощь, между дворами, так тихонечко, не было чтоб кучей ходили, по одному человеку...

— То есть прятались, по одному рассыпались, и держали эту очередь?

— Да, очередь держали. Народу было много на самом деле, и было видно, что много арестованных.

— А папа что-нибудь говорил по этому поводу, по поводу вот этого доклада Хрущевского?

— Нет. Папа не любил ничего, что бы напоминало о тюрьме, когда он вернулся... Он вернулся совсем, конечно, другим человеком.

— А что изменилось?

— Ну вот, что он стал инвалидом, это его тоже очень угнетало.

— У него изменился характер?

— Нет. У нас вот у него очень много было здесь друзей, молодых совсем, он им рассказывал что-то, не знаю, может он не хотел меня втягивать в это, боялся, а вдруг что-то опять переменится. Потому что вот эти девчонки без конца, ну не девчонки, девушки, молодые женщины, прибегали к нему, жаловались на мужей, он ходил их вместе мирить, понимаешь вот такое, то есть что раньше не было в его характере.

— Ну у него общения вообще было очень много? Он общительный был человек?

— Очень, да, вот я в него между прочим, характером мы похожие. Я могу в транспорте сделать замечание кому-то как следует и не постесняюсь. Другой не станет связываться, а я вот вижу, вошла старуха, сидит битюг и не думает шелохнуться. Я ему показываю, ты что мол? А потом старушке говорю: вот ему очень хочется вам место уступить, но он очень стесняется, подойдите, подойдите к нему. Вот в таком духе. И усаживала в конце концов. Этот нехотя встает, она начинает его благодарить, и понимаешь... а он в душе проклинает и ее и меня.

Но все-таки я очень уже устала и не вижу смысла в дальнейшем разговоре. Давайте заканчивать.

— Давайте...